Поэтические страницы

Л.В. Шапошникова

Поэзия А.Л. Чижевского

Мы – дети Космоса.
А.Л. Чижевский

Страшна ты, Русь, о, как страшна,
Когда, пучину воздымая,
Ревет народная волна,
Глаголам неба не внимая,

Когда мятежный ураган
Сжигает мудрые преданья
И треплет скалы океан
Остервенением восстанья.

Сквозь этот бой, безумный бой
Мы с содроганьем проследили,
Как пар венчал морской прибой
И кровью скалы исходили,

Как в разъяренной наготе
Дробились древние скрижали,
Как страсти рдели в высоте
И звездами изнемогали. <...>

Страшна ты, Русь, о, как страшна,
Когда, подняв до звезд пучины,
Ярится вещая волна
И обнажаются судьбины[1].

---

[1] *Чижевский А.Л.* Поэзия / Составл., вступит. статья, примеч. Л.Т. Энгельгардт. М., 1998. С. 92–93.

Это стихотворение молодой ученый Александр Чижевский написал в самом начале Октябрьской революции 1917 года. До тихой провинциальной Калуги ее роковые волны еще не докатились. Но ощущение Чижевского вскоре получит свое подтверждение, а само стихотворение свидетельствовало об одаренности автора пророческой способностью.

Чижевский начал писать стихи еще в раннем детстве, они окрепли в юности и составили в зрелости очень своеобразный слой русской поэзии, уходящий корнями в поэзию Серебряного века.

Предчувствие истины мы находим у многих русских поэтов Серебряного века, в том числе и у Чижевского. Свои космические идеи он выразил не только в науке и философии, но прежде всего в стихах. В «Академии поэзии» он писал: «Выразить мимолетное чувство в нескольких словах и дать полную картину переживания, могущего направить наш дух в область космических волн и приобщить его к жизни вселенной, – вот задача поэтического творчества»[2]. Он нисколько не сомневался, и был в этом прав, что именно поэзия, со всеми ее особенностями, может приобщить наш дух к жизни Вселенной. Ибо не только он один мог сделать это, но вся русская поэзия Серебряного века, которая стояла за ним, творчество ее крупнейших поэтов могло показать дорогу туда, в «область космических волн». Он считал искусство тем явлением, которое может объединить устремление народа в единое русло культурного созидания. «...Искусство родилось, – писал он, – на самой заре человечества, и не было ни одной эпохи, ни одного народа, не имевших своего искусства»[3]. Именно оно, в разных его формах, могло вывести многострадальный народ России из невежества, тьмы и кошмара той жизни, которая сложилась в стране волею ее исторической судьбы.

«Революция испепелила предрассудки и заблуждения, – писал он с молодым вдохновением, – и, освобожденные от их цепей, мы видим, к чему должны стремиться всею своею душою.

Надо *учить* народ!

Но и этого мало: следует *воспитать* его! <...>

Если первое достигается *наукой* – от азбуки до высшего математического анализа, второе – исключительно *искусством*.

Поэтому одновременно с преподаванием азбуки следует преподавать искусство, внушая любовь к нему.

Однако нельзя думать, что загрубелые массы, развращенные материалистическим направлением века, легко поддадутся воздействию какого-либо искусства, да это и не важно... Надо стараться, чтобы подрастающее поколение не чуждалось искусства, а потому следует культивировать искусство в душе ребенка. Когда же народ очистится влиянием культуры, к нему не пристанут никакие разрушающие идеи темных своекорыстных сил. Действительно, отрешенность народа от истинного искусства ведет к закрепощению его в темных рамках пошлой, будничной жизни, и только плоды высших достижений в состоянии возвысить народ над уровнем абсолютного невежества, вывести его на свет и научить сознанию человеческой обязанности, пробуждая в душе его чистые, нравственные инстинкты.

Сделать человека человеком – вот всепоглощающая цель искусства»[4].

Читая эти строки, приходится только удивляться духовной и нравственной зрелости молодого автора, которому тогда был лишь 21 год. В то время в нем формировался, а затем и вырос Учитель с большой буквы, заслугой которого являлось то, что он никогда себя таким Учителем не считал, но всегда исправно исполнял свой учительский долг, которым был одарен и обязан. Он считал, что истинное искусство всегда нравственно. Он процитировал в «Академии поэзии» слова еще одного Учителя – Льва Толстого, который писал: «Просвещение, не основанное на нравственной жизни, не было и никогда не будет просвещением, а будет всегда только затемнением и развращением»[5].

Среди всех видов искусства он считал поэзию и музыку вечными и «не разрушаемыми

[2] *Чижевский А.Л.* Академия поэзии. Проект // *Чижевский А.Л.* Поэзия. С. 330.
[3] Там же. С. 317.
[4] Там же. С. 321–322.
[5] Там же. С. 322.

волнами времени»[6]. Поэзия, писал он, «есть постигнутая истина»[7]. Но эта истина облечена в тайну образов, которая проявляется в свой срок. Предчувствие истины всегда жило в поэте, так же как и предвидение будущего. В своем проекте он рассуждал о космическом сознании как высшей форме сознания, до сих пор присущей лишь немногим жителям Земли, среди которых преобладали поэты, такие как Данте, Бэкон, Уитмен, Карпентер, Теннисон и ряд других. Это высшее сознание, или космическое чувство, он был уверен в этом, охватит «всех своим интуитивным откровением о Вечности и Бессмертии, создав новую, более совершенную фазу в истории эволюционирующей психической жизни»[8].

Александр Чижевский – студент. 1916

Идея космического сознания как высшей его формы прозвучала в этой ранней работе Чижевского, но, к сожалению, не была замечена ни миром науки, ни миром искусства и только сейчас, в XXI веке, робко пробивает себе путь. Осмысление Чижевским космического сознания есть важнейший вклад в формирование космического мышления. Вместе с тем введение в теорию познания интуитивного откровения, сложившегося в духовном пространстве человеческой культуры, было смелым и необходимым шагом в процессе создания новой системы космического мышления. «...Истинное поэтическое произведение, – отмечал он, – вырванное из глубины духа, может стать таким откровением, какое не достигнет строго размышляющая философия или наука. Между тем надо знать, что задача поэзии вполне аналогична задачам науки – свести разнообразные явления действительности к возможно меньшему числу обобщений»[9]. И еще: «...подобно тому, как наука стремится подчинить себе различные физические явления, а метафизика свое внимание сосредоточивает на том, что лежит выше обычных земных интересов, на вопросах о сущности мира, о предназначении человека, так и поэтическое искусство на высших ступенях своего развития подходит к глубочайшим проблемам бытия»[10]. Мысль о том, что поэзия как область искусства есть один из важнейших способов духовного познания, ни в чем не уступающий науке, пронизывает всю концепцию «Академии поэзии».

Культурный проект Чижевского не ограничивается лишь теоретическими рассуждениями. Он обладал удивительной способностью соединять теорию с практикой в любом виде своей деятельности. Что же касается «Академии поэзии», то он разработал всю концепцию ее деятельности, начиная от учебных программ, предметов, которые там будут преподаваться, и заканчивая тем, какие должны быть у Академии здания, аудитории и окружающее пространство.

[6] *Чижевский А.Л.* Академия поэзии. Проект. С. 325.
[7] Там же. С. 327.
[8] Там же.
[9] Там же. С. 328.
[10] Там же. С. 329.

Что-то в этом проекте напоминало древнюю афинскую академию философов, но было и много нового, что отвечало современным условиям, новому космическому мышлению. В отличие от Афинской академии, где были избранные, в определенной мере изолированные от внешнего мира, «Академия поэзии» должна была стать широкой культурной организацией и направлять свои творческие усилия на подлинное просвещение народа и на укрепление культурных устоев в разоренной мировой войной и революцией стране. К сожалению, по ряду причин, хорошо всем известных, проект не был воплощен в жизнь. Но актуальность мыслей Чижевского с годами становилась все более очевидной и особенно возросла в наше время, когда подлинная культура катастрофически теряет свое предназначение.

Его стихотворения были прозрачно-хрустальны, наполнены глубиной сверкающей мысли, и в каждом из них отражалось познание окружающего мира, тесно связанное с ритмом утонченной внутренней жизни.

Поэзия есть чудо, раскрытое богами:
То разума сиянье, то чувства утонченье,
О, смертный, наслаждайся – прильни плотней устами
К насыщенному кубку: в нем – скорби утоленье.

И мир перед тобою в тот миг преобразится:
Незримое – увидишь, неверное – исчезнет,
И нового познанья светило загорится
Во мраке первозданном – твоей душевной бездне[11].

И еще:

Вчера был первый вешний день,
Весь позлащенный чистым светом,
И сине-розовая тень
Играла в воздухе прогретом.
Вокруг немолчный голос пел –
То пело небо голубое,
И мир раскрылся, просветлел
В своем преображенном строе.
Когда же сумерки пришли
И в синеве простерлись дали,
А звезды над лицом Земли,
Как бы ожив, затрепетали, –
Я в утомленном забытьи
Предался ясному покою,
И поспешили снизойти
Ко мне видения толпою[12].

К этим двум стихотворениям хочется добавить еще одно, замечательное по глубине присутствующей в нем мысли. Оно называется «Подсолнечник».

Лик Солнца у тебя, подсолнечник простой:
Посередине диск, вокруг – протуберанцы.
Так видятся они во времена затмений,

[11] *Чижевский А.Л.* Поэзия. С. 306.
[12] Там же. С. 105.

Когда Луна собой загородит светило
И в грозном небе вдруг зажжется излученье.
Цветок-подсолнечник и Солнце – вот сравненье!

Но ближе всмотримся в престранную игру:
Не только внешнее нас удивляет сходство,
А то, что каждый день, с восхода до заката,
Подсолнечник следит за братом в небесах!
Весьма настойчиво, внимательно, упрямо,
Направив на лучи свою головку прямо,

Два братца кровные в сиянье золотом,
И оба каждый миг брат брата зорко видят,
Брат перед братом как с докладом предстают –
На небе – Солнца диск, а на земле – подсолнух!
Что значит это вдохновенное сближенье:
Сочувствие иль тайное отображенье?

Растолковать все это можно просто так:
Не вызреть семечкам подсолнуха за лето,
Стой неподвижно он, как блин, на огороде.
Природой сотворен он, как гелиостат,
Что движет зеркало за диском Солнца вечно,
Пружиной пущенный, стальной и долговечной.

Но сердцу хочется совсем не то!
Так и поэзия в пустой войне с наукой,
По сути же у них – единый корень;
Обязаны служить единому – познанью,
Познанье же, друзья, вмещает все в себя:
Материю и Дух в извечной их борьбе[13].

Во всех трех стихотворениях утверждается, что поэзия есть способ познания, а не просто рифмованная мысль. Мысль, присутствующая в ней, есть мысль высокого измерения, возникшая из таинственных глубин Космоса. Поэзия, как кристалл, сверкает цветовым разнообразием своих граней. Если, в силу наших субъективных особенностей, мы увидим лишь одну грань, то наше понимание будет прямолинейным или плоским. Если нам удастся «повращать» этот кристалл и увидеть все его грани, то восприятие наше будет совсем другим. Мы получим возможность проникнуть в глубинную суть мыслей и поэтических образов, содержащихся в том или ином стихотворении. Эта особенность присуща Чижевскому-поэту. «Поэзии, – писал он, – похищающей божественные тайны сияющего Солнца, лучи которого пронзают телесную оболочку и озаряют глубины запредельных океанов бытия, принадлежит величайшая будущность в освобожденной ею общемировой духовной жизни»[14].

Поэзия Чижевского философична и космична. Она, вне всякого сомнения, постигает то, что не было еще затронуто наукой. Ибо поэзия в своем смелом полете озарений и откровений обгоняет науку. Поэзия стоит много ближе к космическому мышлению, она обладает творческим синтезом, который дает возможность представить мысль или образ в обобщенном, завершенном виде.

[13] *Чижевский А.Л.* Поэзия. С. 189–190.
[14] *Чижевский А.Л.* Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы // Духовное созерцание. 1997. № 3–4. С. 164.

Проблемы иных миров, которые существовали в духовном поле познания человечества, теперь открывались в стихах ученого. Они возникали из его снов и видений, связанных с инобытием, углубляя образное и духовное познание этого пространства.

Закон и хаос, тьма и свет,
Начала, центра, грани нет.
Реальный мир в мгновенном сне,
Явь – тени, тени лишь одне[15].

В стихотворении «Сны» он пишет:

Из глубины идут звучанья,
Из глубины и тишины,
И возникают созерцанья,
И сны бегут как явь, – но сны!

Непостижимый нам дотоле
Метафизический полет
Уносит к небывалой воле
И звездным вихрем обдает.

И мы влетаем в постиженья
И в нестерпимо яркий свет.
О, нет тому осуществленья,
Чего на самом деле нет![16]

Что такое сон, Чижевский дает понять в стихотворении «Безмолвие»:

Безмолвно все: и небо, и земля,
Безлюдна отдалений вереница,
В спокойствии, не плача, не моля,
Спит человек, и гад, и лес, и птица.

И в этот мир всеобщей тишины,
Преодолев запретные пороги,
Врываются тревожащие сны,
Слетают прорицающие боги.

Но тихо все, и нем наш разговор...
Часы бегут законно за часами,
А с высоты следит бездонный взор
Холодными и жесткими лучами[17].

И еще одно стихотворение о сне:

На небесах давно багряный блеск потух.
В пифийские пути направился мой дух,
В томительную даль, за ловлею видений,
Прозрений призрачных и вещих вдохновений.

[15] *Чижевский А.Л.* Стихи. М.: Современник, 1987. С. 35.
[16] *Чижевский А.Л.* Поэзия. С. 190.
[17] Там же. С. 227–228.

Чем беспредельней ночь – тем беспокойней я,
Ни тьмы не превозмочь, ни скрыться от нея.
Уж ловит жадный мозг причудливые лики,
Взрываются во мгле и копошатся блики
И, небеса подняв, к созвездиям стремят,
А я мечусь меж них, волнением объят,
Их поведение прилежно изучаю
И знаю многое, а думал, что не знаю[18].

В этих стихотворениях о снах мы находим для себя немало открытий, которые имеют важное значение для изучения таинственных глубин Мироздания, звучащих в самом человеке словами и образами видений. Из всего прочитанного, где описывается восприятие поэтом сна, мы можем понять, что сон есть отражение реального мира, существующего где-то в иных измерениях. Этот реальный мир в отличие от нашего может быть назван миром иным, а может быть, и Высшим, возникшим в результате преображения, трансформации материи. Сон есть дверь в этот иной мир, которая, если можно так сказать, открывается, когда человек находится в особом ночном состоянии. Там, в этом таинственном мире или мирах, существует источник знаний, к которому можно прикоснуться. «И знаю многое, а думал, что не знаю». Или: «И мы влетаем в постиженья и в нестерпимо яркий свет». И еще: «Реальный мир в мгновенном сне». И вместе с этим: «И сны бегут как явь, – но сны!» Чижевский обращал внимание на пророческий характер сна, куда «слетают прорицающие боги». Ему, поэту и ученому, удалось в коротких стихотворениях показать еще не изученный феномен познания через искусство, и в частности через поэзию. Его стихи в этом отношении идут в одном русле со стихами таких крупнейших поэтов-философов Серебряного века, как Ф.И. Тютчев, В.С. Соловьев, А.А. Блок. В своей поэзии Чижевский через личный опыт познания в духовном пространстве провел мысль о двойственности человека, связанного с Космосом и одновременно с Землею, служащего мостом между одним и другим. Эту двойственность он остро ощущал на себе и хорошо понимал, что, если ее не осознать, будет трудно принять особенности космического мышления. Его поэзия, ее образы и мысли помогали понять такие особенности. «Условимся, – писал он, – под плодами истинного поэтического творчества понимать такое поэтическое произведение, которое “расширяет” наше познание мира, явлений, вещей, событий; приводит в движение нашу мысль и тем самым заставляет мыслить и имеет само по себе, независимо от влияния на нас, философскую, этическую и эстетическую ценность»[19]. Это были не только слова. Его стихи были именно такими. Написанные ученым и подлинным поэтом, они, несомненно, представляют не только эстетическую, но и научную ценность. Космическая тема, в конкретном выражении, в той или иной степени пронизывает поэзию Чижевского. В этой теме чаще всего его привлекало Солнце, ритмами деятельности которого он занимался в русле экспериментальной науки.

Великолепное, державное Светило,
Я познаю в тебе собрата-близнеца,
Чьей огненной груди нет смертного конца,
Что в бесконечности, что будет и что было.

В несчетной тьме времен ты стройно восходило
С чертами строгими родимого лица,
И скорбного меня, земного пришлеца,
Объяла радостная, творческая сила.
В живом, где грузный пласт космической руды,
Из черной древности звучишь победно ты,

[18] *Чижевский А.Л.* Поэзия. С. 64.
[19] Цит. по: *Ягодинский В.Н.* Александр Леонидович Чижевский. М.: Наука, 2004. С. 232.

Испепеляя цепь неверных наших хроник, –
И я воскрес – пою. О, в этой вязкой мгле,
Под взглядом вечности ликуй, солнцепоклонник,
Припав к отвергнутой Праматери-Земле[20].

Удивительное явление – поэзия! В своем узком литературном пространстве она разворачивает мысли высокого измерения, в которые входит и весь Космос, и его творящее явление, такое как Солнце, чье живительное излучение поддерживает жизнь планеты и всего того, что находится на ее поверхности. Такой сложнейший процесс выражен буквально в нескольких строчках, простых – и в то же время невероятно глубоких:

В несчетной тьме времен ты стройно восходило
С чертами строгими родимого лица,
И скорбного меня, земного пришлеца,
Объяла радостная, творческая сила.

Чем выше измерение пространственной мысли, тем глубже она, тем меньше литературного пространства она требует. Она уходит в такую глубину, где высокая степень измерения не имеет предела ни в своей многослойной образности, ни в своей познавательной насыщенности. И всю эту космическую сложность, а иногда и ее духовную наполненность можно выразить простыми словами. И чем проще и точней эти слова, тем выше измерение самой мысли. Подлинная поэзия работает в более высоком измерении, чем эмпирическая наука. У Чижевского есть удивительное стихотворение, посвященное циклу умирания Вселенной в пространстве Великого космического ритма. Оно называется «Наступление мифологической ночи»:

Лишь только знак подаст Юпитер,
Как будет тьма и тишина
В пространствах неба необъятных
Немедленно учреждена.

Так, Солнце, – жгучий повелитель
Золотолитых наших дней,
Удержит звонкоогненогих
И проницающих коней.

И пригвоздит морские бури
Трезубцем к лону вод Нептун:
Утихнет мировое море,
Погаснут плески звезд и лун.

Все остановится в природе:
Прервется трав и листьев речь,
И ветер сложит свои крылья,
И реки перестанут течь[21].

Всплеск познавательной силы этого стихотворения, действующей не только на интеллект читателя, но и на его чувства, нельзя ни с чем сравнить. Два стихотворения Чижевского – «Галилей» и «Гиппократу» – можно считать программными в пространстве его космических идей и нахождений.

[20] *Чижевский А.Л.* Поэзия. С. 210.
[21] Там же. С. 123.

И вновь и вновь взошли на Солнце пятна,
И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы.

И вал морской вскипел от колебаний,
И норд сверкал, и двигались смерчи,
И родились на ниве состязаний
Фанатики, герои, палачи.

И жизни лик подернулся гримасой:
Метался компас – буйствовал народ,
А над Землей и над людскою массой
Свершало Солнце свой законный ход.

О, ты, узревший солнечные пятна
С великолепной дерзостью своей –
Не ведал ты, как будут мне понятны
И близки твои скорби, Галилей![22]

И второе стихотворение:

Ночные небеса в сиянье тайном звезд
Роднят меня с тобой сквозь бег тысячелетий.
Все те ж они, как встарь. И те же миллиарды верст
Разъединяют нас. А мы – земные дети –
Глядим в ночной простор с поднятой головой,
Хотим в сияньи звезд постичь законы мира,
Соединив в одно их с жизнью роковой
И тросы протянув от нас до Альтаира.
Я, как и ты, смотря на лучезарный хор,
Стараюсь пристально проникнуть в сочетанья
Живой мозаики, хочу понять узор
Явлений жизненных и звездного сиянья.
Для нас с тобою мир – родное существо,
Столь близкое душе, столь родственно-простое,
Что наблюдать за ним – для мысли торжество,
Что радостно будить молчанье вековое
В туманностях, во мглах, во глубине земной
И в излучениях – солярном или звездном,
Вскрывать покрытые глухою пеленой
Перед невеждами – космические бездны.
Для нас едино – всё: и в малом и большом.
Кровь общая течет по жилам всей вселенной.
Ты подошел ко мне, и мыслим мы вдвоем,
Вне всех времен земных, в отраде вдохновенной
И вне пространств земных. Бежит под нами мгла,
Стихии движутся в работе повсеместной,
Бьет хаос в берег наш; приветлива, светла,

[22] *Чижевский А.Л.* Поэзия. С. 214.

Глядится жизнь сама из глубины небесной.
И явственно сквозь бег измышленных времен
И многомерные, крылатые пространства
Пронизывает мир незыблемый закон –
Стихий изменчивых под маской постоянства,
И вот редеет мгла. Из хаоса стремят
Формотворящие строительные токи,
Иные времена иным мирам дарят
И утверждают их движения на сроки.
И в созиданиях мы чувствуем полней
Взаимодействие стихий между собою –
И сопряженное влияние теней,
Отброшенных на нас вселенскою борьбою.
Мы – дети Космоса. И наш родимый дом
Так спаян общностью и неразрывно прочен,
Что чувствуем себя мы слитыми в одном,
Что в каждой точке мир – весь мир сосредоточен...
И жизнь – повсюду жизнь в материи самой,
В глубинах вещества – от края и до края
Торжественно течет в борьбе с великой тьмой,
Страдает и горит, нигде не умолкая[23].

Проблемой влияния солнечных пятен и солнечного ритма на жизнь людей Чижевский занимался не только как поэт, но и как ученый. Стихотворение, обращенное к Гиппократу, повествует об одухотворенном Космосе, с которым у человека существует крепкое и неразрывное единство. «Мы – дети Космоса» – научное и художественное кредо Чижевского. То, что написано в этом стихотворении, впоследствии было изложено научным языком в ряде его работ. Но одно другому не мешало, поэтический язык был сильнее формул и описаний экспериментов. Читая это стихотворение, ощущаешь как бы личную причастность автора ко всему, что происходит в Космосе. Идея одухотворенности Космоса в поэзии Чижевского представлена вдохновенными словами: «И жизнь – повсюду жизнь в материи самой, в глубинах вещества – от края и до края...» В данном случае познание Космоса через поэзию происходит эффективней, чем через науку. Поэтому Чижевский не зря для просвещения народа предлагал именно «Академию поэзии». Он верил в то, что когда-нибудь различные способы познания синтезируются в одну систему, возможно не похожую на те части, которые войдут в нее как составляющие. Философские его идеи шли вместе с мыслями о Космосе, и Космос был всегда их фоном:

Неведомо, и нам ответа нет.
И только в смутном отдалении
Сквозь пустоту томится бег планет,
Живущих день, блистающих мгновение.

Но где б ни вышла ты из темноты
Великолепными колоссами, –
Ты к нам летишь и нас тревожишь ты
От века не решенными вопросами.

Один вопрос в устах или вне уст:
Тоска по тьме исчезновения, –

[23] *Чижевский А.Л.* Поэзия. С. 207–208.

И все горит, страдая, древний куст
От первых до последних дней творения.

Так! От себя нам некуда уйти,
Как нам не скрыться от страдания.
О, Мать-Материя, – трудны пути
На высоту Миросознания[24].

Слово «Миросознание» у Чижевского означает целый сложный процесс расширения сознания человека до уровня космического. Без такого процесса нельзя достигнуть космического мышления, невозможно разработать методологию новой системы познания. В его стихах нередко одним или двумя словами обозначаются сложнейшие явления. Вот короткое стихотворение в две строфы «О времени и пространстве»:

Обманы мира нам необходимы:
Мы в них черпаем тайны мирозданья,
Но эти тайны здесь необоримы,
Имея относительность сознанья.

Так, забывая жизни скоротечность,
Постигнем мы, что Время есть Движенье,
И, покидая цепкую Конечность, –
Что бесконечность есть Круговращенье!..[25]

В стихотворении заключены две важнейшие философские мысли, тесно связанные друг с другом своей причастностью к Космической эволюции. «Относительность сознанья» определяет мысль, которую Чижевский не уставал повторять: от уровня сознания зависит наше восприятие окружающего мира. Высокое сознание, не говоря уже о космическом, выходящем за пределы Земли, ощущает и воспринимает мир совсем не так, как низкое. Относительность сознания – это особенность нашей психологии, которую надо учитывать при формировании новой системы познания. Также необходимо учитывать, что «Время есть Движенье», а «бесконечность есть Круговращенье» – мысль Чижевского, подтверждающая спиралевидность развития Космической эволюции, каждый виток которой есть более высокая ступень по сравнению с предыдущей.

Будучи в конечном счете земным человеком, Чижевский писал прекрасные стихи о собственных переживаниях. Особенно ему удавались стихи о природе и Родине.

Поет под дугой колокольчик,
Поет он о доле людской,
Поет – и за сердце хватает
Осеннею терпкой тоской.

На небе все тучи да тучи,
В безлюдье буреют поля,
Покорно и молча уснула
Усталая матерь-земля,

И пыль – только пыль вековая
Подолгу висит над глухой,

[24] *Чижевский А.Л.* Поэзия. С. 221–222.
[25] Там же. С. 229.

Исхоженной, древней дорогой
Своей пеленою седой.

Холодные синие дали,
Унылая голь деревень,
И плачет, и плачет, и плачет
Озябший сентябрьский день.

Близка мне твоя обреченность,
И сладок мне горький твой хлеб...
О, Русь, мы разделим по-братски
Превратности темных судеб[26].

Как поэт, обладающий пророческим даром, он предвидел «темные судьбы», которые позже не в стихах, а в реальности разделил с Россией. Зима производила на него совсем иное воздействие.

Гремит, звенит на солнце день.
Слепят восторженные взоры
Розовощекие просторы,
Голубо пламенная тень.

Сквозь остроколкий воздух видно:
В лесу, как в храме огневом,
Деревья блещут искровидно
Литым, чистейшим серебром.

И солнце ядрами дробится,
И, преломлясь о зеркала,
В зеленом сумраке угла
Взлетают радужные птицы[27].

И несмотря на то, что эти стихи написаны о земной природе, космическое мироощущение сверкает между строк.

В стихотворении «Вечернее небо» мы читаем:

В часы, когда Солнце вечернее – Атум –
Варит себе пищу в кипящих котлах
И пламенно-медные стрелы заката
Летят и сверкают в пылающих мглах, –

Драконы, чудовища, птицы и змеи,
Залитые кровью, стремятся в котлы,
И реют, и тают, огнем пламенея,
Среди огнедышащей розовой мглы;

И только коснутся к краям раскаленным,
Сольются в один ослепительный дым

[26] *Чижевский А.Л.* Поэзия. С. 79.
[27] Там же. С. 142.

А.Л. Чижевский. 1960-е гг.

И гибнут в порыве своем исступленном,
Венчая светило венцом золотым.

А сверху, над грозным пожаром захода,
Сквозь пурпурный хаос врываются к нам
Прозрачно-зеленые бездны, как воды,
Текущие вдаль по иным небесам.

И в бледно-зеленой бездонной пустыне,
Где как бы начало Вселенной иной,
Являются чуждые нам, как святыни,
Холодные звезды Вселенной ночной[28].

В нем жило удивительно тонкое ощущение красоты земной природы и ее космичности, не прямолинейной, а как бы выступающей из флера земной атмосферы и творящей те образы, мгновенность которых он схватывал своим гибким словом. Он был незаурядным поэтом, и его поэтическое творчество уникально даже на богатом культурном фоне Серебряного века России.

И конечно, Александр Леонидович Чижевский показал удивительный пример синтеза науки, искусства, философии и отличный результат такого синтеза.

[28] *Чижевский А.Л.* Поэзия. С. 119–120.